DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

оригинальная статья
УДК 316.334.52

Социальное самочувствие сельских хакасов

Ольга Л. Лушникова [a, @]
[a] Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия, г. Абакан
[@] oltolt@mail.ru

Поступила в редакцию 26.05.2020. Принята к печати 19.06.2020.

Аннотация: Основную часть хакасов составляет сельское население, поэтому от социального самочувствия этой группы в целом зависит сохранение коренного населения республики Хакасия. В нынешних условиях из-за кризисного состояния сельских территорий увеличивается миграционный поток из села в город, наряду с этим наблюдается и обратная миграция, которая особенно характерна для представителей титульного этноса региона. Проживание в городе накладывает определенный отпечаток: меняет отношение к жизни, привычки, образ жизни, – что, в свою очередь, сказывается на социальном самочувствии. В статье предпринята попытка сравнить социальное самочувствие хакасов, которые когда-то жили в городе, и хакасов, которые никогда не жили в городе. Результаты показали, что бывшие городские хакасы хуже оценивают условия жизни в селе, но отличаются более осознанным отношением к жизни и оптимистичными ожиданиями будущего. Хакасы, которые всегда проживали в селе, с одной стороны, менее удовлетворены своей жизнью, не ожидают улучшений жизни, с другой – стараются прилагать усилия, чтобы жить лучше. Есть вероятность, что такие установки будут служить фактором сохранения коренного сельского населения Хакасии.

Ключевые слова: эмоциональное состояние, удовлетворенность, условия жизни, ожидания будущего, сельский житель

Для цитирования: Лушникова О. Л. Социальное самочувствие сельских хакасов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 3. С. 312–319 DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

Введение

Некоторые исследователи предлагают включать измерения социального самочувствия в интегральную характеристику развития сельских территорий [1, с. 158]. С. А. Шавель и Л. П. Галич отмечают, что социальное самочувствие является наиболее чувствительным показателем, отражающим не только индивидуальный жизненный тонус, но и восприятие собственного положения в обществе, а также состояние самого социума, в котором живет индивид [2, с. 84]. Ухудшение социального самочувствия можно рассматривать как показатель снижения уровня жизни, неудовлетворенности, пассивности, пессимистичных настроений сельского населения, что может послужить толчком к перемене места жительства (чаще – к переезду в город). Поскольку без сохранения сельского населения невозможно развитие сельских территорий, целесообразно отслеживать изменения социального самочувствия. Хотя существует и альтернативная точка зрения, согласно которой миграция сельского населения в города свидетельствует о поступательном развитии общества [3, с. 137].

По представлению Т. Н. Протасовой, добровольный отток молодого и трудоспособного населения является показателем социального самочувствия [4, с. 373]. В нынешних условиях темпы миграции из села в город достаточно высоки, однако и обратная миграция имеет место быть, например у хакасов – титульного этноса Хакасии.

Вообще хакасы – преимущественно сельское население, две трети (61,6 %) из них проживают в сельской местности[1]. Наряду с этим хакасы, по сравнению с представителями других национальностей, проживающими на территории региона, отличаются низкой миграционной активностью. Миграционные процессы 1970-х гг. показали, что они реже были склонны менять место жительства [5, с. 58], чаще переезжали из сел в более крупные села [6, с. 149]. Статистические данные 2000-х гг. доказывают, что хакасы чаще мигрируют из города в село, а русские – из села в город[2]. Конечно, хакасы переезжают и в город, но процесс адаптации у них проходит сложно [7, с. 4]. Представители титульного этноса отличаются некоторой инертностью, поэтому выбор сельской местности для них представляется упрощенной стратегией выживания [8, с. 118].

Очевидно, переезд в город накладывает определенный отпечаток: меняются привычки, образ жизни и отношение к ней, приоритеты, – что естественным образом сказывается и на изменении социального самочувствия.

[1] Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 т. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 575.

[2] Население Республики Хакасия за 2001–2011 годы. Абакан: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия, 2012. С. 16.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

Цель статьи – сравнить социальное самочувствие сельских хакасов, которые имели опыт проживания в городе, и тех хакасов, которые никогда не жили в городских условиях.

Теоретические основы

С. И. Григорьев считает, что российское село и сельский житель парадоксальным образом стали главными показателями масштабов и остроты того кризиса, который пережила наша страна на рубеже XX–XXI столетий [9, с. 39]. Кризисные явления затронули все стороны жизнедеятельности сельского человека (экономическую, трудовую, культурную, бытовую, семейную и др.), что, естественно, сказалось на общем социальном самочувствии. Безусловно, значимый фактор ухудшения самочувствия сельчан – отсутствие работы, стабильных источников дохода. С. А. Соловченков и И. В. Калинина предостерегают, что вследствие отсутствия рабочих мест происходит общее снижение уровня и качества жизни сельского населения, что потенциально может стать источником социальной напряженности [10, с. 128]. М. Л. Белоножко и О. М. Барбаков отмечают, что более половины своего времени сельчане тратят на физический труд, отсюда вытекает немаловажность условий труда как элемента жизнедеятельности, являющегося одновременно и показателем социального самочувствия [11, с. 2537].

Исследование Л. В. Намруевой и С. В. Землянской доказывает, что существует прямая связь между экономической ситуацией и материальным положением жителей [12, с. 485]. Н. В. Забелина считает, что мощным фактором эффективного экономического роста региона и повышения уровня жизни населения является инфраструктура [13, с. 35], поэтому при исследовании социального самочувствия важно учитывать условия жизнедеятельности сельских жителей (наличие рабочих мест, качество медицинского обслуживания, наличие детских садов, состояние дорог, возможность культурного досуга и др.). С. Ю. Андреев отмечает, что на первое место выходит проблема выживания и создания благоприятных условий для жизни детей [14, с. 57], поэтому целесообразным представляется изучение оценки имеющихся условий самими сельчанами.

Некоторые исследователи рассматривают социальное самочувствие в обобщенном виде. Согласно мнению Л. В. Кашкиной, социальное самочувствие представляет некую обобщающую характеристику внутреннего ощущения комфортности психологического и соматического состояния индивида [15, с. 43]. Безусловно, позитивный эмоциональный настрой, ощущение себя здоровым, оптимистичное отношение к жизни – значимые индикаторы самочувствия, однако они не могут в полной мере отражать общее социальное самочувствие, т. к. ограничиваются преимущественно субъективно-эмоциональной сферой личности. Л. И. Михайлова, например, конкретизирует, что самочувствие зависит от здоровья, обустроенности семьи, жизни и быта, от характера и качества включенности в социальную жизнь во всех ее сферах, от степени удовлетворенности социальными благами [16, с. 46]. Вообще удовлетворенность (как общая, так и отдельными сторонами жизни) рассматривается в качестве важного показателя социального самочувствия. Например, М. О. Пучкова и С. О. Лебедева считают, что социальное самочувствие представляет собой индикатор реакции населения на социальные преобразования, который определяется степенью удовлетворения их социальных потребностей [17, с. 34].

По мнению А. Ю. Дитятева, кризисные явления представляют собой объективную причину для пессимистических прогнозов относительно будущего [18, с. 100]. Отсутствие позитивных ожиданий от будущего продуцирует негативные жизненные стратегии сельчан, пресекая возможные интенции к улучшению жизни. Поэтому значимым показателем самочувствия можно считать представления о собственном будущем материальном положении по отношению к окружающим [19, с. 60].

Резюмируя, социальное самочувствие можно определить как совокупный показатель, отражающий социально-психологическое состояние, степень удовлетворенности основных потребностей (в том числе удовлетворенность внешними условиями) и ожидания ближайшего будущего.

Методы и материалы

Эмпирической базой послужили материалы опроса, который проводился в рамках гранта президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук. Для решения одной из задач проекта были опрошены сельские жители хакасской национальности старше 18 лет, проживающие в сельских поселениях Хакасии (n=500). Опрос проводился во всех сельских районах республики методом формализованного интервью по месту жительства. Среди опрошенных 300 человек имели опыт проживания в городе, 200 – никогда не жили в городе. Чтобы провести сравнение, респонденты были разделены на две равные группы по 200 человек (в первой группе количество опрошенных было сокращено, чтобы группы получились равными). В опроснике были использованы некоторые вопросы из анкет исследований «Сельская жизнь» (2015) и «Жизненный мир россиян» (2014), разработанных под руководством Ж. Т. Тощенко [20]. Оценка социального самочувствия производилась по индикаторам:

1. Эмоциональное состояние: оценка состояния здоровья, общая удовлетворенность жизнью, отношение к жизни в селе.

2. Удовлетворенность (жилищными условиями, работой, материальным достатком, отношениями в семье, возможностями проведения досуга).

3. Оценка условий жизнедеятельности (наиболее острые проблемы): безработица, ветхое жилье, медицинское обслуживание, доступность детских садов, доступность транспорта, преступность, проблема пьянства.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

4. Ожидания будущего: оценка возможности улучшения собственного материального положения, общие ожидания будущего.

Оценка социального самочувствия осуществлялась следующим образом: высчитывались отдельные показатели по каждому индикатору (например, для оценки эмоционального состояния использовались показатели оценки состояния здоровья, общей удовлетворенности жизнью и отношения к жизни в селе). Далее, например для оценки уровня удовлетворенности, высчитывались показатели удовлетворенности каждой стороной жизни по формуле:

$$\frac{((2A+B)-(C+2D))}{n},$$

где A – количество положительных ответов (полностью удовлетворен), B – количество относительно положительных ответов (скорее удовлетворен), C – количество относительно отрицательных ответов (скорее удовлетворен), D – количество отрицательных ответов (полностью не удовлетворен), n – количество ответивших на вопрос. Затем высчитывалось среднее арифметическое. Вычисление показателей других индикаторов производилось аналогичным способом. Использовался анализ корреляций по Пирсону (r). Обработка данных осуществлялась с помощью прикладного пакета для обработки статистических данных IBM SPSS Statistics 19.

Результаты

Почти все индикаторы социального самочувствия (кроме оценки условий жизни) у бывших горожан немного выше, чем у сельчан, которые никогда не жили в городе (рис. 1). Связано ли это с тем, что первые имели опыт проживания в городе? Конечно, такие хакасы имеют возможность сравнить жизнь в селе и в городе, но это не означает, что их выбор места жительства объясняется только тем, что в селе жить лучше (так считают 45,8 %). 29,6 % бывших горожан не видят особых различий между селом и городом, считая, что жить везде одинаково. Каждый четвертый хакас, который жил какое-то время в городских условиях, полагает, что жить лучше в городе, но только каждый десятый – что там легче жить. Более половины (57 %) бывших городских жителей считают, что легче жить все-таки в сельской местности.

Вероятно, опыт проживания в городских условиях дает возможность делать акцент на преимуществах сельской жизни, которые в сравнении с трудностями города кажутся более привлекательными, что в некотором смысле повышает социальное самочувствие бывших горожан. Можно также предположить, что проживание в городе формирует более осознанное отношение к жизни в сельской местности. Каждый третий бывший горожанин ответил, что ему нравится жить на природе и работать на земле (36,5 %), среди сельчан, которые никогда не жили в городе, так считает каждый четвертый (25 %). Большие части представителей групп (62 % бывших горожан и 45 % постоянно проживающих в селе) просто привыкли жить в деревне. Полученные результаты в некотором смысле согласуются с данными исследования «Сельская жизнь». В этом исследовании 77,1 % опрошенных сельчан из числа тех, кто не хотел бы уехать из села в город (составляют 29,6 % от общего числа опрошенных), объясняют это нежелание тем, что «привыкли, здесь родина, здесь живут родные и близкие» [20, с. 309]. Наряду с этим среди хакасов, когда-то проживавших в городе, почти в два раза больше тех, кому не нравится жить в деревне, и, если бы была возможность, они переехали бы в город (15 % и 8,5 % соответственно).

Влияние города сказывается и на состоянии здоровья сельских хакасов, или точнее, на особенностях их образа жизни. Превалирующая часть опрошенных оценивают свое здоровье как вполне нормальное: 55,5 % постоянно проживающих в селе и 48 % имеющих опыт проживания в городе иногда болеют «обычными» болезнями. В то же время 18,5 % и 19,5 % представителей групп соответственно имеют серьезные хронические заболевания, 2,5 % и 2 % имеют инвалидность. Однако среди разных возрастных групп наблюдаются различия. Исследователи отмечают, что в сельской местности в 3,6 раза чаще, чем в городской, умирают просто от старости, что можно объяснить либо особенным здоровьем сельчан, либо отсутствием у них привычки или возможности чаще обращаться к врачу [21, с. 124]. Среди хакасов, никогда не проживавших в городе, почти каждый четвертый ощущает себя полностью здоровым (23,5 %), причем 42,6 % из них – молодежь (от 18 до 24 лет). Среди бывших горожан каждый третий считает себя полностью здоровым (30,5 %), но при этом 45,9 % из них – это сельские жители в возрасте от 35 до 44 лет; молодых сельчан среди них только 26,2 %. Было интересно понять, почему среди хакасов, которые когда-то жили в городе, оказалось мало «здоровой» молодежи. Единственное объяснение, которое мы нашли, связано с частотой употребления алкоголя, причем среди женщин. Оказалось, что среди бывших горожанок (в возрасте от 18 до 24 лет) только 19 % не употребляют алкоголь, среди сельчанок этого же возраста таковых больше половины – 55,6 %.

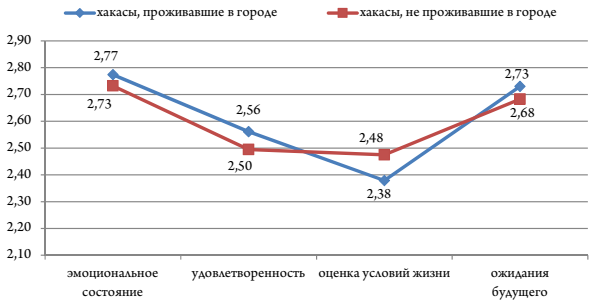

Рис. 1. Индикаторы социального самочувствия сельских хакасов
Fig. 1. Indicators of social well-being of rural Khakas people

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

Конечно, нельзя делать вывод, что проживание в городских условиях влияет на частоту употребления алкоголя. Настораживает другое: молодое население репродуктивного возраста склонно к частому употреблению алкоголя и не отличается хорошим здоровьем, а ведь именно от этой категории зависит воспроизводство сельского населения, в том числе коренного.

Поскольку употребление алкоголя связано с денежными расходами, можно было бы предположить, что среди бедных сельчан (денег не хватает даже на питание или хватает только на питание) удельный вес часто употребляющих алкоголь будет меньше. Но оказалось, что часто употребляющих алкоголь (каждую неделю – несколько раз в месяц) сельчан примерно одинаковое количество среди разных категорий опрошенных (бедных, обеспеченных и зажиточных). Вместе с тем обнаружилось, что наиболее тесно употребление алкоголя коррелирует с другой вредной привычкой – курением (r=0,425**)[3]. Среди курящих сельских хакасов половина (49 %) употребляют алкоголь часто, среди некурящих таковых всего 14,4 %. Кроме того, употребление алкоголя отрицательно (хотя и слабо) коррелирует с удовлетворенностью работой (r=–0,149**). Другими словами, чем больше хакасы довольны своей работой, тем реже они употребляют алкоголь.

В целом значительная часть опрошенных хакасов удовлетворена своей работой, хотя и не во всем (68 % бывших горожан и 59,5 % хакасов, не проживавших в городе). Полностью удовлетворенных своей работой немного: 10 % и 8,5 % соответственно. Если сравнивать полученные данные с результатами исследования «Жизненный мир россиян» [20, с. 331], то видно, что среди сельского населения на общероссийском уровне полностью удовлетворенных почти в два раза больше – каждый пятый (20 %), хотя удельный вес не удовлетворенных своей работой тоже больше – 18,8 % (ср. 7,5 % проживавших в городе и 12,5 % никогда не проживавших в городе).

С одной стороны, сельские хакасы меньше выказывают явную неудовлетворенность своей работой, с другой стороны, они не демонстрируют и полной удовлетворенности, выбирая «золотую середину». Среди хакасов, которые никогда не жили в городе, почти каждый пятый затруднился с ответом на этот вопрос. Если сравнивать уровень удовлетворенности разными сторонами жизни, то все опрошенные менее всего удовлетворены своим материальным достатком (рис. 2). Каждому десятому (9,5 %) сельчанину денег не хватает даже на питание, 22,8 % опрошенных средств хватает только на питание. Хакасы, всегда проживавшие в селе, отличаются более низкой удовлетворенностью (даже отношениями в семье), что, скорее всего, является свидетельством пониженного социального самочувствия. Единственная сторона жизни, которой они удовлетворены больше – досуг. Возможно, бывшие горожане, сравнивая возможности проведения досуга в городской среде, понимают, что в селе таких возможностей меньше, и поэтому выказывают неудовлетворенность. Вероятно, по этой же причине бывшие горожане хуже оценивают разные условия жизни в селе (рис. 3).

Рис. 2. Удовлетворенность сельских хакасов разными сторонами жизни

Fig. 2. Satisfaction of rural Khakas people by different aspects of life

Рис. 3. Оценка условий жизни по степени наиболее актуальных проблем

Fig. 3. Estimation of living conditions by the degree of the most important problems

Наиболее острыми проблемами для всех сельских хакасов являются отсутствие работы и недостаточная доступность детских садов. Вероятно, отсутствие возможности устроить детей в сад уменьшает возможность сельчан работать полный рабочий день. В условиях кризиса это один из жизненно важных вопросов. Вообще данные социологических исследований свидетельствуют о том, что значительная часть населения демонстрирует готовность к воспитанию большего числа детей по сравнению с практикой сегодняшнего дня, а ключевыми ограничениями на пути повышения рождаемости остаются социально-экономические проблемы [22, с. 63]. Вполне возможно, что решение проблемы доступности детских садов могло бы улучшить социальное самочувствие сельских жителей, предоставив возможность удовлетворить потребность в рождении и воспитании детей в более полном объеме.

[3] * – p≤0,05; ** – p≤0,01.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

Что касается ожиданий будущего, на первый взгляд, кажется, что хакасы, когда-то проживавшие в городе, настроены более оптимистично. Почти половина (47 %) из них выражает надежду на то, что жизнь улучшится, меньше среди них тех, кто на большее не рассчитывает (13 %, ср. 18,5 % коренных сельчан). Среди хакасов, которые никогда не жили в городе, число опрошенных, выражающих надежду на улучшение своей жизни, меньше – всего 36 %, однако число сельчан, которые ответили, что прилагают усилия, чтобы жить лучше, больше (хотя и ненамного): 41 % против 38 %. Возникает вопрос: является надежда на лучшее показателем оптимизма для хакасов, которые когда-то жили в городе или выражением некоторой мечтательности [23, с. 100]? Есть и малая группа жителей села, которых все устраивает: это 2 % имеющих опыт жизни в городе и 4,5% не имеющих такого.

Общий показатель социального самочувствия сельских хакасов больше всего коррелирует с оценкой изменений, которые произошли в их жизни за последние три года (у бывших горожан r=0,529**; у сельчан, не проживавших в городе, r=0,397**). Больше половины (56 %, ср. 38,5 % не проживавших в городе) бывших городских жителей отмечают положительные изменения в своей жизни, тогда как почти половина (48 %, ср. 31 % проживавших в городе) хакасов, не проживавших в городе, считают, что их жизнь за это время не изменилась. Если сравнивать результаты исследования с данными «Жизненного мира россиян» [20, с. 347], более половины (54,6 %) всего сельского населения тоже полагают, что их жизнь осталась прежней. Примечательно, что на общероссийском уровне значительно меньше сельских жителей, которые отмечают положительные изменения в своей жизни (18,6 %). Об ухудшении уровня своей жизни заявили 13 % бывших городских жителей и 13,5 % коренных сельчан, в общероссийском разрезе такую реакцию выявили 19,3 % респондентов.

Конечно, самочувствие сельских хакасов коррелирует и с уровнем их материального достатка (у бывших горожан r=0,402**, у сельчан, не проживавших в городе, r=0,232*). Однако оказалось, что у бывших городских жителей социальное самочувствие коррелирует с уровнем их образования (r=0,333**) и уровнем дохода (r=0,311*), а у сельчан, никогда не проживавших в городе, с основным родом деятельности (r=0,341**) и с возрастом (r=–0,214*). Другими словами, у бывших горожан социальное самочувствие больше зависит от экономических факторов (достаток, доход) и варьируется в зависимости от уровня образования; а у сельчан, не имевших опыт проживания в городе, определяется родом их основной деятельности (работающий, безработный, пенсионер и т. д.) и с возрастом ухудшается.

Заключение

Социальное самочувствие является наиболее чувствительным показателем, который отражает не только индивидуальный жизненный тонус, но и восприятие собственного положения в обществе, а также состояние самого социума, в котором живет индивид [2, с. 84]. Поскольку современное село находится в глубоком кризисе, трудно говорить о повышении социального самочувствия. Еще в 2002 г. Л. Д. Гудков и Б. В. Дубин писали, что «село в сегодняшней России представляет собой наиболее депрессивную социальную среду» [24, с. 23]. Затянувшийся кризис особенно негативно сказывается на некоторых коренных народах, большая часть которых проживает в сельской местности, каковыми являются хакасы. Какая-то часть коренного населения мигрирует из села в город, но у хакасов достаточно выражена обратная миграция. Отношение к жизни у хакасов, которые имели опыт проживания в городе, отличается от восприятия жизни хакасами, которые всегда проживали в сельской местности. Поскольку у первых есть возможность сравнения условий жизни, можно было бы предположить, что социальное самочувствие у них несколько хуже. Действительно, они хуже оценивают условия жизни в селе, но, несмотря на это, отличаются более позитивным эмоциональным настроем, осознанным отношением к жизни и вполне оптимистичным взглядом на будущее. Социальное самочувствие хакасов, которые всегда жили в селе, характеризуется некоторой противоречивостью. Казалось бы, они менее удовлетворены своей жизнью, но принимают имеющиеся условия; не ожидают особых улучшений жизни, но стараются прилагать усилия, чтобы жить лучше. Возможно, реализация этого стремления в будущем будет способствовать повышению социального самочувствия и послужит фактором сохранения титульного этноса Хакасии.

Литература

1. Русановский В. А., Вяльшина А. А., Блинова Т. В. Социальное самочувствие и экономическое положение сельского населения: социально-демографический анализ // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2019. № 3. С. 158–163.
2. Шавель С. А., Галич Л. П. Социальное самочувствие населения Беларуси и России: компаративный социологический анализ // Социология. 2012. № 1. С. 76–95.
3. Быченко Ю. Г., Шабанов В. Л. Современная миграция сельского населения: особенности, направления, последствия // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 2. С. 136–142.
4. Протасова Т. Н. Оценка места жительства как фактор формирования миграционных установок жителей Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 4. С. 367–375. DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-4-367-375

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

5. Чуднова В. И., Кожуховская Н. Ф. Население Саянского ТПК. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 120 с.
6. Белошапкина В. Н. Роль миграции в освоении хакасами нетрадиционных профессий // Торжество ленинской национальной политики: мат-лы Всесоюз. науч. конф. (7–8 декабря 1972 г.) Абакан, 1973. С. 143–154.
7. Остапенко Л. В. Социально-экономические аспекты адаптации русских и хакасов к условиям трансформирующегося общества (по материалам этносоциологического исследования в Хакасии): информационно-аналитический бюллетень № 1. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. Центр по изучению межнациональных отношений, 2003. 26 с.
8. Лушникова О. Л. Факторы адаптации мигрантов из сельской местности (на примере одного из народов Сибири – хакасов) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 106–122. DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.635
9. Григорьев С. И. Социология жизненных сил российского села и сельского жителя в начале XXI века // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 39–43.
10. Соловченков С. А., Калинина И. В. Село приграничного региона: проблемы и социальные настроения // Региональные проблемы. 2017. Т. 20. № 4. С. 123–128.
11. Белоножко М. Л., Барбаков О. М. Социальное самочувствие сельского населения северного региона России // Фундаментальные исследования. 2013. № 10-11. С. 2534–2538.
12. Намруева Л. В., Землянская С. В. Социальное самочувствие сельских жителей как фактор развития аграрной отрасли (по материалам анкетных опросов 1996 и 2016 гг. в Республике Калмыкия) // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 2В. С. 477–489.
13. Забелина Н. В. Региональные проблемы развития социальной инфраструктуры села // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 28. С. 30–37.
14. Андреев С. Ю. Анализ социального самочувствия сельских жителей Краснодарского края // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2007. № 30. С. 47–58.
15. Кашкина Л. В. Социальное самочувствие населения монопрофильного города // Арктика и Север. 2012. № 8. С. 43–48.
16. Михайлова Л. И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 45–50.
17. Пучкова М. О., Лебедева С. О. Социальное самочувствие горожан как социологическая проблема // Научный потенциал студенчества в XXI веке: мат-лы III Междунар. науч. студ. конф. (Ставрополь, 24–25 апреля 2009 г.). Ставрополь, 2009. Т. 2. С. 34.
18. Дитятев А. Ю. Методологический потенциал концепции социального настроения в изучении феноменов оптимизма и пессимизма в современном обществе // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 100–102.
19. Асланова О. А. Социальное самочувствие: измерительный инструментарий, показатели и социальные критерии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 59–63.
20. Смыслы сельской жизни / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 365 с.
21. Быченко Ю. Г., Долгова Е. М., Шабанов В. Л. Система сельского здравоохранения как фактор развития демографических ресурсов сельского сообщества // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 2. С. 122–126.
22. Рязанцев С. В., Зоидов К. Х. Демографическое будущее России // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 1. С. 63–75.
23. Эфендиев А. Г., Болотина И. Л. Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа // Мир России. 2002. Т. 11. № 4. С. 83–125.
24. Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Сельская жизнь: рациональность пассивной адаптации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 6. С. 23–37.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

original article

Social Well-Being of the Rural Khakas People

Olga L. Lushnikova [a, @]
[a] Khakas Research Institute of Language, Literature, and History, Russia, Abakan
[@] oltolt@mail.ru

Received 26.05.2020. Accepted 19.06.2020.

Abstract: The Khakas people are mainly rural. As a result, the preservation of the indigenous population of the Republic of Khakassia depends on the social well-being of its village dwellers. The migration flow from rural to urban areas is currently increasing because the village is going through a crisis. However, the ethnic community is responsible for the "reverse" migration. Urban experience changes attitudes, habits, and lifestyle, thus affecting the social well-being. The article attempts to compare the social well-being of the Khakas people with some urban experience and those with no such experience. The ex-urban residents proved unsatisfied with rural living conditions but demonstrated a more conscious life attitude and optimistic expectations. The rural old timers appeared less satisfied with their lives and more pessimistic. However, they were more willing to improve their living conditions, which might help to preserve the indigenous rural population of Khakassia.

Keywords: emotional condition, satisfaction, living conditions, future expectation, rural resident

For citation: Lushnikova O. L. Social Well-Being of the Rural Khakas People. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(3): 312–319. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

References

1. Rusanovskiy V. A., Vyalshina A. A., Blinova T. V. Social sensitivity and economic situation of rural population: social and demographic analysis. *Regionalnye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiia*, 2019, (3): 158–163. (In Russ.)
2. Shavel S. A., Galich L. P. Social well-being of the population of Belarus and Russia: comparative sociological analysis. *Sotsiologiia*, 2012, (1): 76–95. (In Russ.)
3. Bychenko Yu. G., Shabanov V. L. Modern migration of rural population: trends and consequences. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*, 2012, (2): 136–142. (In Russ.)
4. Protasova T. N. Residency assessment as a factor of migration tenets of Kuzbass residents. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, 4(4): 367–375. (In Russ.) DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-4-367-375
5. Chudnova V. I., Kozhukhovskaia N. F. *Population of Sayan regional production complex*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1979, 120. (In Russ.)
6. Beloshapkina V. N. The role of migration in mastering of non-traditional occupations by the Khakas people. *The triumph of the Lenin's national policy*: Proc. All-Union. Sci. Conf., December 7–8, 1972. Abakan, 1973, 143–154. (In Russ.)
7. Ostapenko L. V. *Social and economic aspects of adaptation of Russians and Khakas people to the conditions of a transforming society (based on the materials of an ethno-sociological study in the Republic of Khakassia)*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. Tsentr po izucheniiu mezhnatsionalnykh otnosheniĭ, 2003, 26. (In Russ.)
8. Lushnikova O. L. Adaptation factors of migrants from rural area: peoples of Siberia case study (the Khakas people). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, (2): 106–122. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.635
9. Grigoryev S. I. Sociology of the vital forces of the Russian village and rural population at the beginning of the XXI century. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010, (9): 39–43. (In Russ.)
10. Solovchenkov S. A., Kalinina I. V. Countryside problems and social mood in the border region. *Regionalnye problemy,* 2017, 20(4): 123–128. (In Russ.)
11. Belonozhko M. L., Barbakov O. M. Social well-being of the rural population of a northern region of Russia. *Fundamentalnye issledovaniia*, 2013, (10-11): 2534–2538. (In Russ.)
12. Namrueva L. V., Zemlyanskaya S. V. Social well-being of rural residents as a factor of development of agrarian sector (on the basis of questionnaire surveys 1996 and 2016 in the Republic of Kalmykia). *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii,* 2017, 6(2B): 477–489. (In Russ.)
13. Zabelina N. V. Regional problems of the development of the social infrastructure of rural areas. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, 2014, (28): 30–37. (In Russ.)
14. Andreev S. Yu. Analysis of social well-being of rural dwellers of Krasnodar region. *Politematicheskij setevoj elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2007, (30): 47–58. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-3-312-319

15. Kashkina L. V. Social well-being of the population of the mono-specialized city. *Arktika i Sever*, 2012, (8): 43–48. (In Russ.)
16. Mikhailova L. I. Social moods and reception of future by Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010, (3): 45–50. (In Russ.)
17. Puchkova M. O., Lebedeva S. O. Social well-being of citizens as a sociological problem. *Scientific potential of students in the XXI century*: Proc. III Intern. Sci. Stud. Conf., Stavropol, April 24–25, 2009. Stavropol, 2009, vol. 2, 34. (In Russ.).
18. Dityatev A. Yu. Methodological potential of the concept of social mood in studying of phenomena of optimism and pessimism in modern society. *Teoria i praktika obshchestvennogo razvitia*, 2011, (5): 100–102. (In Russ.)
19. Aslanova O. A. Social well-being: measuring instruments, indicators and social criteria. *Teoria i praktika obshchestvennogo razvitia*, 2012, (2): 59–63. (In Russ.)
20. *Meanings of rural life*, ed. Toshchenko Zh. T. Moscow: Tsentr sotsialnogo prognozirovaniia i marketinga, 2016, 365. (In Russ.)
21. Bychenko Yu. G., Dolgova Ye. M., Shabanov V. L. System of agricultural health care as a factor of agricultural society resources demographic development. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*, 2013, (2): 122–126. (In Russ.)
22. Riazantsev S. V., Zoidov K. Kh. Russia's demographic future. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2013, 11(1): 63–75. (In Russ.)
23. Efendiev A. G., Bolotina I. L. Contemporary Russian village: at the turning point of epochs and reforms. The experience of institutional analysis. *Mir Rossii*, 2002, 11(4): 83–125. (In Russ.)
24. Gudkov L. D., Dubin B. V. Rural life: rationality of passive adaptation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 2002, (6): 23–37. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License